

Читайте все книги НИКОЛАЯ СВЕЧИНА:

1. Завещание Аввакума
2. Охота на царя
3. Роковые числа
4. Хроники сыска
5. Выстрел на Большой Морской
6. Пуля с Кавказа
7. Дело Варнавинского маньяка
8. Варшавские тайны
9. Мертвый остров
10. Убийство церемониймейстера
11. Московский апокалипсис
12. Туркестан
13. Удар в сердце
14. Темные всадники
15. Дознание в Риге
16. Касьянов год
17. Лучи смерти
18. Тифлис 1904
19. Банда Кольки-куна
20. По остывшим следам
21. Фартовый город
22. Узел
23. Случай в Семипалатинске
24. Одесский листок сообщает
25. Столица беглых
26. Восьмое делопроизводство
27. Кубанский огонь
28. Взаперти
29. Паутина
30. На краю
31. В отсутствие начальства
32. Как Лыков не стал генералом
33. Уральское эхо
34. Дела минувшие
35. Ледяной ветер Суоми
36. Пуля времени

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Николай
СВЕЧИН

Столица

беглых

МОСКВА

2 0 2 4

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Столица беглых / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-202488-7

Коллежский советник Лыков провинился перед начальством. Бандиты убили в Одессе родителей его помощника Сергея Азвестопуло. А он привлек к поискам убийц самого Сергея, а не отослал в Петербург, как велели. В наказание Лыкова послали в Туруханский край. Оттуда участились побеги ссыльных; надо выяснить, как они ухитряются исчезать из такого гиблого места. Прибыв к полярному кругу, сыщик узнает, что побеги поставлены на поток. И где-то в окрестностях Иркутска спрятаны «номера для беглых». В них элита преступного мира отсиживается, меняет внешность, получает новые документы. А когда полиция прекращает их поиски, бандиты возвращаются в большие города. Не зря Иркутск называют столицей беглых. Лыков принимает решение ехать туда, чтобы найти и уничтожить притон.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202488-7

*Автор благодарит Виктора Рябенко
за помощь в создании этой книги,
а также за самую идею послать Лыкова
в Иркутск.*

Глава 1

Командировка как наказание

Лыков явился к генерал-майору Курлову в тот же день, как вернулся из Одессы. Он понимал, что товарищ министра внутренних дел, шеф корпуса жандармов и заведывающий полицией, на него обижен. Сыщик игнорировал прямое приказание начальника и не отстранил Азвестопуло от дознания убийства его родителей¹. Велено было прислать титулярного советника в Петербург, а тех, кто разбил головы отцу с матерью Сергея, искать в одиночку. Ну, при помощи одесских коллег, однако без ученика и помощника. Иначе, мол, получится вульгарная месть, что недостойно полицейского чиновника. Алексей Николаевич не выполнил приказ и ловил изувера Степана Балуцу вместе с Сергеем. Взяв с него слово поймать негодяя живым. И вот командировка

---

¹ См. книгу «Одесский листок сообщает».

в Одессу закончилась. Большой славы двум сыщикам она не принесла, и теперь они ждали неприятностей.

Курлов принял коллежского советника, как и ожидалось, подчеркнуто сурово:

— Ну, доложите о своих художествах.

— Что имеет в виду ваше превосходительство? — столь же подчеркнуто невозмутимо уточнил Лыков.

— А вы не понимаете?

— Видимо, не до конца. Если насчет Азвестопуло, то, как я докладывал, он был болен и не мог сразу выехать к месту службы...

— Да будет врать! — взорвался генерал. — Мне все известно! Тамошнее градоначальство уведомило, как оно происходило на самом деле. Вы посмели нарушить мое категорическое распоряжение, привлекли сына убитых к дознанию и тем самым поощрили кровную месть. На коронной службе!

Лыков молчал. Он догадывался, что градоначальник Одессы Толмачев не удержит язык за зубами. Теперь следовало менять тактику.

— Ваше превосходительство. Позвольте напомнить, что вы командировали меня в Одессу с двумя поручениями одновременно. Я должен был арестовать убийц семьи путевого сторожа Дроздова — раз. А два — я имел приказ найти изменников, передав-

ших германским шпионам планы минирования Одесской бухты на случай войны.

— Ну, помню. И что это меняет?

— Да ничего не меняет. Я просто хочу обратить ваше внимание на то, что оба приказания выполнены. Лукьянов, один из убийц Дроздовых, сидит в камере смертников в Тирасполе. И ждет виселицы. Второй злодей, Балуца, лежит в земле. Изменники со шпионами изобличены и посажены в тюрьму, Военное министерство весьма довольно. Так ли велика моя вина, если оба дознания закончены? И трудные дознания. А без помощи Сергея Маноловича не знаю, как бы я справился... Да, ваше распоряжение мне пришлось... скорректировать. Исходя из обстоятельств, для пользы дела. Признаю. Но я бывалый сыщик, часто принимавший подобные решения в трудной обстановке, руководствуясь опытом.

Лыков помолчал чуток и продолжил:

— Говоря по правде, Павел Григорьевич, я буду так поступать и впредь.

Курлов опешил:

— И вы столь невозмутимо мне об этом сообщаете? Мне, своему начальнику?

— А что еще остается?

— Алексей Николаевич... — генерал стал подыскивать нужные слова. — Я знаю ваш послужной список, он очень достойный... В Департаменте полиции нет уголовного сы-

щика опытнее вас. Сложнейшие дознания только вам и поручают. Но...

Коллежский советник невежливо перебил товарища министра:

— Больше все равно некому, Павел Григорьевич. Вы уж простите мне мою вину, она не из прихоти, так было нужно, чтобы выполнить ваши же поручения. И августейший приказ.

Генерал вспомнил, что убийц семьи путевого сторожа действительно велел поймать сам государь. И он, Курлов, в свое время с гордостью доложил Его Величеству, что чины МВД приказ исполнили. Но прощать сыщика заведывающий полицией не торопился:

— Так значит, без помощи титулярного советника Азвестопуло вы не смогли бы справиться с делом?

— С двумя делами. В Одессе существовала глубоко законспирированная секретная организация, служившая германскому генеральному штабу. Что же касается Балуды, преступный мир упорно его защищал. Это несвойственно нашим фатовым. А вот в городе акаций свои уголовные обычаи, и вышло так. Даже вдвоем мы провозились почти три месяца. Один я скорее всего торчал бы у моря и по сию пору.

— Хм... Не знаю, не уверен. Раз вы такой опытный, как сами мне только что заявили...

Под вашей рукой была вся местная полиция. И как мог один человек оказаться незамеченным? Признайтесь, вы это нарочно, мне назло.

— Такими категориями, как назло начальству, никогда не мыслил. Только на пользу делу.

Генерал словно только что вспомнил и сообщил коллежскому советнику:

— Его Величество через премьер-министра Столыпина передал свое удовлетворение тем, что убийцы семьи Дроздова наказаны. И военный министр, уже мне лично, сказал, что в Одессе сделано много полезного.

— Вот видите, Павел Григорьевич, — упорно продолжил именовать генерала по имени-отчеству Лыков, — главное — это результат. Прошу поэтому и в дальнейшем разрешить мне действовать исходя из опыта и целесообразности.

Курлов откинулся на спинку кресла и неприязненно сощурился:

— Что ж, вам предоставляется хорошая возможность проявить свой опыт. Помножив его на целесообразность. Идите к директору департамента Зуеву, он даст важное поручение. Нужно провести обследование условий содержания ссыльных в Туруханском крае. Что-то часто оттуда стали бежать... Разберитесь и доложите.

— Главное тюремное управление подчиняется Министерству юстиции, при чем тут мы?

— Узнаете от Зуева, — холодно ответил генерал-майор.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Когда прикажете отбыть на место?

— Не позднее завтрашнего дня.

У Лыкова дернулась бровь, но он совладал с собой и сказал спокойно:

— Я не успею составить рапорт о командировке в Одессу. Кроме того, в Военном министерстве хотят обсудить со мной результаты агентурной игры.

— Хорошо, — пробурчал генерал-майор, — даю вам три дня на завершение всех ритуалов. А в понедельник чтобы выехали в Туруханск! Вместе с Азвестопуло.

Лыков вышел из кабинета злой. Вот достался начальничек... Дешевая месть обличала мелочную душу Курлова. Три месяца сыщики не были дома. У Сергея жена вот-вот родит. И на тебе, катись к Полярному кругу еще на полгода, чтобы помнил свою вину... Кретин!

Алексей Николаевич пошел на Фонтанку, 16, пешком, чтобы успокоиться. Не хотелось показывать департаментским, что товарищ министра сумел испортить настроение. Дойдя до службы, сыщик сразу явился к директору.

Зуев был не один. За столом сидели еще двое: исполняющий обязанности начальника Особого отдела коллежский советник Виссарионов и делопроизводитель Восьмого делопроизводства надворный советник Лебедев.

Василий Иванович Лебедев был давний товарищ Лыкова, хоть и занимал его место. Восьмое делопроизводство задумывал еще покойный Благово много лет назад. Задумывал как всероссийский уголовный сыск, управляющий деятельностью всех отделений в империи. Алексей Николаевич развил идеи учителя, проработал штаты, сформулировал служебные обязанности. Год назад давняя борьба МВД с Министерством финансов наконец-то закончилась победой правоохранителей. В крупных городах было создано сразу 89 новых сыскных отделений. Командовать ими уполномочили Восьмое делопроизводство, которым, по совести, должен был руководить Лыков. Однако он угодил в опалу к государыне, когда неудачно разыскивал пропавшую икону Казанской Божией Матери¹. Императрица была известна злопамятностью. А еще безграничным влиянием на августейшего супруга. И опытный Столыпин задвинул провинившегося сыщика, отдав предпочтение Лебедеву.

---

¹ См. книгу «По остывшим следам».

Случившаяся несправедливость не поколебала дружбы и взаимного уважения двух достойных людей. Хотя, конечно, осложнила их отношения в первое время.

Виссарионов был другой человек. Новое лицо в департаменте, он пришел сюда из прокурорского надзора. Полностью его должность называлась — чиновник особых поручений при министре IV класса сверх штата. Сергей Евлампиевич командовал важнейшим в структуре Департамента полиции Особым отделом и одновременно вел агентурные расходы. Наружно весьма религиозный, склонный к актерству, но при том чрезвычайно способный и трудолюбивый, Виссарионов держал дистанцию со всеми. Говорили, что он целит на должность вице-директора, но ему мешает еврейское происхождение.

Лыков застал коллег за привычным занятием: они кроили список разыскиваемых лиц под литерой «А». В этот раздел включались преступники, подлежащие, при их обнаружении, немедленному обыску и аресту¹.

---

¹ Всего в документе было пять разделов. Литера «Б» — список лиц, за которыми требовалось установить наблюдение и надзор (без их ареста); «В» — сведения о неопознанных преступниках (с фотографиями); «Г» — перечень лиц, розыск которых надлежит прекращению, и «Д» — список похищенных и утраченных паспортов, служебных бланков документов, печатей и т.п.

Большую часть их составляли политические, а меньшую — уголовные. Список обновлялся дважды в год и рассылался во все полицейские управления империи. В раздел «А» обязательно включались беглые.

— Здравствуйте, господа, — пожал три руки Алексей Николаевич. — Опять зеленые ноги¹ заносите? Не их ли мне только что велел отыскать Курлов?

Директор недовольно воззрился на подчиненного:

— Расскажи, как ходил.

— А ты, Нил Петрович, не догадываешься?

Лыков с Зуевым давно служили вместе и были на ты.

— Послал он тебя?

— Послал, — вздохнул сыщик. Хотел кое-что добавить, но покосился на Виссарионова и промолчал.

— А нечего начальству перечить, — назидательно указал Зуев. — Меня ты уже давно в грош не ставишь, так хоть товарищ министра научит чинопочитанию.

— Может, он еще и убийц ловить меня научит? — желчно парировал коллежский советник. — А то я без его руководства запутаюсь.

— Но-но, — прикинулся рассерженным действительный статский советник. —

---

¹ Зеленые ноги — беглые из мест заключения.

Шталмейстера не обижай. Он за нас за всех думает.

Курлов представлял редкое исключение в чиновном мире Петербурга: имел военный чин генерал-майора и придворное звание шталмейстера вместо свитского аксельбанта.

Департаментские дружно хмыкнули, потом Лебедев участливо спросил:

— Когда отбываешь?

— Дня через три-четыре, — ответил Лыков. — Как только сдам рапорт и объяснюсь с контрразведкой.

— А Сергей Манолович?

— Ему велено следовать за мной.

— Когда супруге его рожать?

— Недели через три, может, через месяц.

— Эх...

Теперь уже Лебедев покосился на заведывающего Особым отделом. Но не удержался и продолжил:

— Хоть бы ему дал дома пожить, ребеночка дождаться.

— Я бы сам не прочь дома пожить, отдохнуть от гостиничной вони и трактирной пищи.

— А ты знал, на что шел, когда противился Курлову, — возразил директор. — Так что теперь молчи.

Наконец Виссарионов сменил тему:

— Второй год составляю эти списки, а они все толще и толще делаются.

— Верно подмечено, — согласился Алексей Николаевич. — Я их уже двадцать лет верстаю. Помнится, сначала умещались на десяти страницах. А теперь как «Война и мир»... Нил Петрович, что за спешка такая с Туруханским краем? Кто оттуда сбежал, если надо бросить все дела и ехать смотреть условия надзора?

Зуев наморщил лоб:

— А ведь кто-то знатный утек... Как бишь его? Африкант Силин. И с ним еще трое.

Африкант Силин по кличке Африканец был известный в центральных губерниях налетчик, получивший каторжные работы с последующим водворением на поселение в отдаленные местности Сибири. Но таких по Руси — батальон... Почему из-за какого-то гнуса надо отрывать немолодого и заслуженного человека от дома?

— И все? Экая важная птица упорхнула... Что-то ты, Нил Петрович, не договариваешь. И почему я, чиновник МВД, еду проверять епархию Министерства юстиции? Курлов сказал, что ты объяснишь мне загадку.

Директор департамента бросил на сыщика раздраженный взгляд:

— Чего привязался? Все равно тебе ехать. Даю три дня для написания отчета о командировке в Одессу. Больше не могу, сам понимаешь. Курлов будет за тобой приглядывать. ■

Зачем гуся дразнил? А то не знал характер его превосходительства!

— Но не выдумал же он эту поездку в Туруханск только для того, чтобы наказать меня за строптивость! — воскликнул коллежский советник.

— Нет, конечно. Просто до государя дошло истинное состояние дел с нашей ссылкой. Какой-то расторопный болтун сообщил, что треть ссыльных постоянно находится в безвестной отлучке. Что бегут тыщами. Что Сибирь зеленые ноги терроризировали дальше некуда. И Его Величество повелели дать детальный отчет по этому вопросу. От нашего ведомства, в обход Минюста. Причем с рекомендациями, как исправлять! Чуешь?

Лыков погрустнел. Очередное высочайшее поручение, на котором орденов не заслужишь, а шею свернуть можно запросто. «Ссылный вопрос» болезненный, там давно надо наводить порядок, а государство на это уже не способно. Хорошего решения нет, а плохое лежит на поверхности: усилить репрессии. Придется съездить в Туруханский край, посмотреть, как люди там умирают или бегут от невыносимых условий жизни. А потом вернуться в столицу и предложить еще сильнее затянуть гайки?

Виссарионов почесал свой знаменитый местечковый нос и сказал, словно приглашая обсудить:

— Странно все же. Приняли закон, отменили уголовную ссылку. Думали, станет лучше. А что получилось? Ничего хорошего не получилось. Почему так, господа?

Он имел в виду закон от 12 июня 1900 года «Об отмене и ограничении ссылки в Сибирь». Заселение отдаленных земель преступным элементом всегда создавало множество проблем. Ссылные не имели способов содержать себя честным трудом. В глухих лесах и на берегах великих рек просто не было такой возможности. Пособие от казны, само по себе недостаточное, полагалось не всем. И люди начинали пьянствовать, воровать и грабить местное население.

Закон от 12 июня отменил самый массовый вид ссылки — уголовную, то есть ссылку на жительство и на поселение как наказание за уголовные преступления. Вместо этого теперь назначали лишение свободы в исправительных арестантских отделениях. Или, проще говоря, в тюрьмах. Перестали ссылать в Сибирь и за бродяжничество, бродяг теперь тоже сажали в тюрьмы. Кроме того, раньше крестьянские и мещанские общества имели право отправлять в Сибирь своих неугодных членов, изобличенных в порочном и развратном поведении. Теперь этих негодяев начали переводить в соседние волости, а не гнать за Урал. В результате количество высылаемых снизилось на 85%. Остались только ссылка на каторгу ■

с последующим поселением, а также ссылка за политические и религиозные преступления.

— Это все пятый год, — не удержался от комментария Зуев. — Уголовных теперь мало, тон в Сибири задают политические. А меж них, в свою очередь, больше всего солдат, осужденных за бунты. И всяких булочников, сапожников и печатников, рядовых деятелей социал-демократов. Препней интеллигенции, страдающей за народ, теперь днем с огнем не сыщешь, они все живут в Швейцарии.

— Кто же тогда бежит? — поворошил на столе бумаги Лебедев. — Вон их сколько. Это ваши пекари да солдатики?

— А вот Алексей Николаич съездит туда, а потом нам расскажет.

Чиновники потребовали чаю и еще час разбирали приготовленные списки. Лыков сидел сбоку и помогал советами. Идти в кабинет не хотелось. Там его ждал Азвестопуло. Как сказать Сергею, что он через три дня уезжает к Полярному кругу?

Но делать было нечего. В очередной раз Алексей Николаевич подавил в себе злость на начальство и отправился огорчать помощника.